

Памяти князя С. Н. Трубецкого.

Жутко и страшно! Голова кружится при мысли, что же это произошло. И такъ чувствуютъ не только близкіе къ усопшему люди. На моей памяти я не знаю случая, чтобы смерть какого-нибудь общественнаго дѣятеля такъ потрясла Москву, такъ потрясла всю Россію. Я думаю, что вѣсть о его смерти отзовется и за предѣлами Россіи, и что и тамъ поймутъ, какъ много потеряла наша бѣдная родина въ лицѣ этого твердаго, честнаго гражданина. Вѣдь князь Сергѣй Трубецкой не только общественный дѣятель, Сергѣй Трубецкой — общественное знамя. Онъ знамя мирнаго и легальнаго развитія страны по пути свободнаго прогресса. И вотъ это знамя вырвано у насъ. Несмотря на пріобрѣтенныя блага политической свободы, ни откуда не слышно увѣреннаго и спокойнаго призыва къ мирному и законному рѣшенію ставшихъ передъ нами трудныхъ задачъ. Подымается скорбный вопросъ: куда же идемъ мы? Что ждетъ насъ? Неужели только мракъ и стонъ кровавыхъ междоусобій и всеобщаго разгрома?

Но вѣдь значеніе кн. Трубецкого и не въ одномъ этомъ. На поприще общественной дѣятельности онъ выступилъ сравнительно недавно, побуждаемый силою обстоятельствъ. Самъ по себѣ и прежде всего онъ глубокой мыслитель, вписавшій яркими буквами свое имя въ исторію русской философіи, онъ крупный ученый съ европейскою извѣстностью, онъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ публицистовъ. По своимъ философскимъ воззрѣніямъ онъ близко сходилъ съ своимъ другомъ Вл. С. Соловьевымъ, но въ его взглядахъ болѣе рѣзко сказывалась рационалистическая и критическая струя. Отличный знатокъ всей философской литературы, онъ съ юныхъ лѣтъ особенно внимательно и горячо изучалъ творенія Канта, Шеллинга, Баадера, Гегеля, а изъ древнихъ Платона и Аристотеля. Его міросозерцаніе представляло возвышенный идеализмъ, послѣдовательно приложенный къ рѣшенію всѣхъ философскихъ проблемъ, но идеализмъ не въ современномъ, а скорѣе въ античномъ смыслѣ слова. Современный намъ идеализмъ опирается на теорію относительности знанія, онъ легко переходитъ въ точку зрѣнія *феноменизма* или даже *иллюзионизма*. Идеализмъ кн. С. Н. Трубецкого можно назвать положительнымъ: онъ тѣсно сливается съ его религиозными вѣрованіями и всецѣло проникнутъ убѣжденіемъ во вселенскомъ, космическомъ господствѣ разума. По его взгляду, нашъ субъективный разумъ потому способенъ подняться до познанія истины, что во всѣхъ вещахъ и во

всѣхъ ихъ свойствахъ, отношеніяхъ и законахъ осуществляется разумъ объективный и универсальный, который составляетъ внутренній корень и нашего субъективнаго духа. Единый въ своихъ основныхъ принципахъ и функціяхъ разумъ живетъ во всѣхъ людяхъ и отъ этого зависитъ органическое единство общечеловѣческаго опыта и общечеловѣческаго познанія. Въ этомъ смыслѣ покойный Сергѣй Николаевичъ очень оригинально толковалъ теорію познанія Канта. Съ другой стороны, онъ убѣжденно настаивалъ, что всѣ вещи и всякая реальность вообще мыслимы лишь при томъ условіи, что разумъ (какъ смыслъ или законъ сущаго—*λογος*) вызвалъ ихъ и выразился въ нихъ. Доказательству абсолютной немислимости какой бы то ни было внѣ-разумной или внѣ-логической реальности посвящены наиболѣе тонкія метафизическія разсужденія покойнаго. Рядомъ съ этимъ онъ всегда очень выдвигалъ еще одинъ принципъ, тѣсно связанный съ главными послылками его философской системы: вопреки распространенному чисто субъективистическому взгляду на душевные и умственные процессы, онъ думалъ, что нашъ духъ въ каждомъ актѣ воспріятія и познанія дѣйствительно выходитъ изъ себя и дѣйствительно соприкасается съ независимою отъ него реальностью; всякая наша жизнь и всякое познаніе есть наше дѣйствительное взаимодействіе съ тѣмъ, что отъ насъ независимо. Въ этомъ выводѣ онъ, если угодно, совпадаетъ съ современными эмпирио-

критицистами; но насколько обдуманнѣе и неотразимѣе его аргументація сравнительно съ ними.

Кн. С. Н. Трубецкой извѣстенъ въ философской литературѣ не только какъ создатель очень своеобразнаго и стройнаго міросозерцанія. Онъ не менѣе замѣчательенъ своими трудами по исторіи древней философіи и религіозныхъ идей первоначальнаго христіанства. Въ этомъ отношеніи о немъ приходится сказать, что онъ сумѣлъ быть необыкновенно оригинальнымъ въ такой области, гдѣ все, повидимому, было изучено и разъ навсегда установлено и гдѣ, казалось, были возможны лишь частныя поправки и дополненія. Благодаря тонкому изученію религій и культуры древняго міра, и въ глубокомъ сознаниі тѣсной связи между идеями философскими и религіозными, онъ далъ совсѣмъ новое освѣщеніе цѣлому ряду ученій, которымъ, какъ можно было думать раньше, оцѣнка безповоротно уже сдѣлана. Тѣни Пифагорейцевъ, Гераклита, Эмпедокла оживаютъ передъ нами въ его изложеніи, и съ нихъ какъ будто совсѣмъ спадаетъ та печать ребяческой наивности, которая неотдѣлимо срослась съ ними въ обычныхъ изображеніяхъ у историковъ философіи. Эта оригинальность поражаетъ насъ уже въ «Метафизикѣ въ древней Греціи». Она только возрастала съ расширеніемъ его исследованийъ. Въ послѣднее время онъ работалъ надъ печатаніемъ своей исторіи древней философіи. И вотъ онъ умеръ, не окончивъ его.

Впрочемъ, для насъ, близкихъ къ Сергѣю Ни-

колаевичу людей, слишком тяжело объективно рассуждать о его общественной или научной роли. Вѣдь у насъ изъ груди живой кусокъ мяса вырванъ! Общественная и научная дѣятельность человѣка—это только часть его личности и не самая важная. Будемъ вѣрить,—выступать въ будущемъ дѣятели не менѣе твердые и безупречные, чѣмъ кн. Сергѣй Трубецкой. Будутъ у насъ и оригинальные философы, и крупные ученые, и хорошіе публицисты. А *его* не будетъ и въ этомъ ужасѣ смерти. То незамѣнимое и неоцѣнимое, что составляетъ внутреннюю суть данной личности, ея индивидуальность, ея неотдѣлимую отъ нея собственность,—это ушло отъ насъ навѣки. Къ этому можно привыкнуть долгими годами, но помириться съ этимъ нельзя. При кончинѣ близкихъ людей невольно думается только объ этой *ихъ* незамѣнимой индивидуальности, а ея словами не передашь. Скажу о томъ, что болѣе всего бросалось въ глаза у покойнаго. Рѣдко встрѣчаются въ жизни люди съ такою цѣльною, такою стройною, такою, если можно такъ выразиться, *стильною* нравственною личностью. Высокое душевное благородство, совсѣмъ недоступное ни для чего мелкаго, ни для чего пошлаго, низкаго или грязнаго, было основной стихіей его существа. При этомъ въ его натурѣ гармонически уживались странныя противоположности: ясный, могучій, оригинальный умъ, твердая ни чѣмъ не подкупная воля, и съ другой стороны женская мягкость сердца и, рѣшусь

сказать, — какое-то дѣтское простодушіе, ясная жизнерадостность, неисчерпаемый юморъ, чисто юношеская воспріимчивость ко всему забавному. Въ послѣдніе дни, на нашихъ университетскихъ совѣтахъ, истерзанный болѣзною и нравственными муками своего служебнаго положенія, съ лицомъ умирающаго, какъ обманывалъ онъ насъ кроткою ясностью своего душевнаго настроенія.

О всѣмъ извѣстной добротѣ его говорить много не буду. Сколько народу онъ спасъ, сколькимъ помогъ и за сколькихъ хлопоталъ, отдавая иногда все свое время! Я хотѣлъ бы только остановиться еще на двухъ чертахъ его характера: на его незапятнанной душевной чистотѣ, которую онъ пронесъ черезъ всю свою жизнь, на перекоръ свойственному нашему времени больному любопытству къ прихотямъ субъективной чувствительности, и на совершенномъ отсутствіи у него тщеславія и какой-нибудь рисовки. Онъ одинаково былъ простъ и сердеченъ, и тогда, когда былъ увлекающимся студентомъ, и тогда, когда достигъ широкой славы и всеобщаго признанія. О себѣ онъ какъ-то совсѣмъ не думалъ, точно ему времени на это не хватало. Да! свѣтлый онъ прошелъ среди насъ и свѣтлымъ удалился въ тотъ міръ, въ который такъ непоколебимо, такъ ясно и такъ живо вѣрилъ. До свиданья, дорогой.

Л. Лопатинъ.